

Каневская Ольга,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры русской филологии и зарубежной литературы
Криворожский государственный педагогический университет

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. АХМАТОВОЙ

Каневська О. Б. Специфіка мовленнєвої репрезентації категорії художнього часу у творах А. Ахматової.

У статті визначено специфіку мовної репрезентації категорії художнього часу в творах А. Ахматової. Виявлено, що в її поетичних текстах художній та граматичний час є нерозривними; художній час створюється всіма елементами тексту, в тому числі й мовними (темпоральна лексика, видо-часові форми дієслова, синтаксичні конструкції тощо). У віршах спостерігаються різні прояви часу (час побутовий та історичний, час особовий та соціальний, час фізичний та міфологічний). У центрі уваги поетеси — образ часу, пов'язаний із мотивами руху, розвитку, становлення, з протиставленням мимучого та вічного.

Ключові слова: хронотоп, художній час, темпоральна лексика, поетичний текст, А. Ахматова.

Kanevska O. B. Specificity of language representation of the category of artistic time in works by A. Akhmatova.

The article defines the specifics of the linguistic representation of the category of artistic time in the works by A. Akhmatova. It is revealed that in her poetic texts, the artistic and grammatical time are closely linked; artistic time is created by all elements of the text, including linguistic (temporal vocabulary, visual-time forms of the verb, syntactic constructions, etc.). Poems show different manifestations of time (domestic and historical time, personal and social time, physical and mythological time). The poet's attention is the image of time associated with the motives of movement, development, formation, with the contrasting transient and eternal.

Key words: chronotope, artistic time, temporal vocabulary, poetic text, A. Akhmatova.

Литература, отражая объективную действительность, в то же время пересоздаёт её. Из элементов реального мира, получивших образное воплощение при помощи слов-знаков, творится новая литературно-художественная реальность, обладающая своим времяисчислением, населённая героями, действующими в определённой исторической, социальной, национальной обстановке, среди предметов

культуры и явлений природы, окружающего мира. Поэтому «в художественном произведении нет и во всяком случае не должно быть слов немотивированных, проходящих, как тени, ненужных предметов, отбор слов неразрывно связан со способом отражения и выражения действительности в слове» [3, с. 230]. Эта мысль В. В. Виноградова особенно справедлива по отношению к поэзии. В поэтическом произведении слова и выражения находятся в тесном взаимодействии (поэтическое пространство), приобретают дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого.

Время в поэзии «приобретает особое значение и как тема, и как принцип конструкции произведения, и как категория, вне которой невозможно воплощение художественного замысла» [4, с. 39]. Образ времени является сквозным в творчестве многих поэтов. Существуют, однако, художники, для которых он является ключевым, а тема времени особо значимой. К таким поэтам, без сомнения, относится и А. А. Ахматова.

Библиография работ, посвящённых творчеству Анны Андреевны Ахматовой, обширна. Весомый вклад в изучение поэтики её произведений внесли работы таких учёных, как: В. В. Виноградов, Е. С. Добин, Л. Я. Гинзбург, В. М. Жирмунский, О. А. Клинг, Н. А. Николина, А. И. Павловский, М. С. Памошева, Э. М. Свенцицкая, О. В. Червинская, Л. А. Шилов, Б. М. Эйхенбаум и мн. др. Так, В. М. Жирмунский подчёркивал: «оригинальное творчество Ахматовой — продукт культуры, воспитанной на классических достижениях русской и мировой культуры» [6, с. 52]. Её поэзия органично сочетает в себе разнообразные эмоциональные, идейные, стилистические пласты (жизнь человека и неуловимое движение времени), глубокую поэтичность и проникновенную публицистику; «классическое наследие с удивительной неожиданностью точных деталей», — указывала Л. Я. Гинзбург [5, с. 80].

Многоаспектное изучение художественного наследия поэтессы заставило исследователей решать одновременно целый ряд теоретических и методологических вопросов, касающихся общих принципов подхода к анализу художественного текста вообще и наследия А. А. Ахматовой в частности.

Смысловая глубина и насыщенность стихотворений А. Ахматовой вызывает интерес к её неповторимому способу проникновения не только в глубины человеческой психики, но и в сердцевину вселенской загадки — загадки Времени и Пространства. Отметим, что хронотоп (согласно М. М. Бахтину, «единство времени и пространства

произведения» [2, с. 195]) в её творчестве ещё недостаточно изучен, к тому же пласт лексики, репрезентирующий художественное время и художественное пространство, не был отдельным предметом анализа лингвистов. А именно пространство и время в художественном произведении выявляют многие его стороны: сюжет, композицию, характеристику героев, образные средства, ритм, авторскую позицию и др.

Цель статьи — описать специфику языковой репрезентации категории художественного времени в поэзии А. Ахматовой.

Категория времени, как доказано в трудах М. М. Бахтина [2], Д. С. Лихачёва [9] и других исследователей, играет в литературном произведении определяющую эмоционально-психологическую роль, придаёт ему историческую глубину и философское звучание. Творчество А. Ахматовой в этом аспекте весьма показательно. Наблюдения доказывают, что соотношению времени и вечности посвящены многие её стихи, а все предметные детали, изображённые в их единстве, имеют яркую географическую, национальную и временную характеристику: *Когда погребают эпоху, / Надгробный псалом не звучит, / Крапиве, чертополоху / Украсить её предстоит. / И только могильщики лихо / Работают. Дело не ждёт! / И тихо так, господи, тихо, / Что слышно, как время идёт* [1, с. 229]. Ахматова в цикле «В сороковом году», в «Северных элегиях», в «Библейских стихах», «Реквиеме» и во многих других произведениях создаёт свой собственный эпос времени — времени трагических потрясений и катастроф, человеческого горя и отчаяния, надежды и веры. Поэтесса чётко определила своё назначение в мире, свою судьбу и свою поэтическую программу: *Чтоб быть современнику ясным, / Весь настежь распахнут поэт* [1, с. 250].

Согласимся с мнением, высказанным Н. С. Скатовым: «Ощущении судьбы, которое появилось уже в ранней Ахматовой и которое стало одним из главных залогов становления Ахматовой зрелой, есть действительно замечательное свойство. Оно зиждется на исконной национальной особенности — чувстве сопричастности миру, сопереживаемости с миром и ответственности перед ним, получающей в новых общественных условиях и острый нравственный смысл: моя судьба — судьба страны — судьба народа — история» [10, с. 10].

Анна Ахматова — человек и поэт — обладала в высшей степени обострённым чувством времени. В её стихотворениях часто звучит тема быстротекущего времени: *И впервые пожалела / И вздохнула «Ах, года! / Вот и внучка молода»...* [1, с. 168].

Время ахматовской лирики, опрокинутой в эпический мир, — в основном, прошедшее время [8, с. 5]. Однако «сцепление» прошлого, настоящего и будущего, в котором помогает синтаксис строк (употребление сложноподчинённых конструкций с придаточными времени), передаёт её драматическое понимание необратимости прошедшего.

Предмет художественного изучения А. Ахматовой — «поле души человеческой», память: *Возникают, строятся лица, / Мил сегодня, а завтра далёк, / Отчего же на этой странице, / Я когда-то загнул уголок?* [1, с. 39]. Поэтесса подчёркивает необходимую связь с былым, говоря о том, что жизнь человека и поколения, к которому тот принадлежит, должна быть естественным продолжением, новым звеном в бесконечной цепи человеческой истории.

А. Ахматова чаще всего обращается к прошлому лирической героини, к миру её воспоминаний: *А ещё так недавно, недавно / Замирали вокруг тополя, / И звенела и пела отравно / Несказанная радость твоя* [1, с. 69]. Или к её будущему: *Радостно и ясно / Завтра будет утро. / Эта жизнь прекрасна, / Сердце, будь же мудро. / Ты совсем устало. / Бьёшься тише, глуше... / Знаешь, я читала, / Что бессмертны души* [1, с. 18].

Время в произведениях Ахматовой — это актуальное время, оно прямо ассоциируется со зримостью, заслоняющей сущность: *Я — голос воли, жар вашего дыханья, / Я — отраженье вашего лица. / Напрасных крыл напрасны трепетанья, — / Ведь всё равно я с вами до конца* [1, с. 192].

Универсальное время отсчитывается с первоначальных бед, первоначальных драм, определяется координатами начала и конца мира, начала и конца жизни. Космическое время входит в универсальное пространство на правах «четвёртого измерения»: *Смуглый отрок бродил по аллеям, / У озёрных грустил берегов, / И столетие мы лелеем / Еле слышимый шелест шагов* [1, с. 14]; *Я спросила у кукушки, / Сколько лет я проживу... / Сосен дрогнули верхушки / Жёлтый лист упал в траву* [1, с. 137].

Физическое время воспринимается А. Ахматовой как бесконечная длительность, необратимо текущая из прошлого через настоящее в будущее и являющаяся вместе с пространством формой существования движущейся материи: *О, знала ль я, когда в одежде белой / Выходила Муза в тесный мой приют, / Что к миру, навсегда окаменелой, / Мои живые руки припадут* [1, с. 191]. А также как отдельный отрезок этой действительности: *Двадцать первое.*

Ночь. Понедельник. / *Очертанья столицы во мгле. / Сочинил же какой-то бездельник, / Что бывает любовь на земле* [1, с. 124].

По А. Ахматовой, прошлое и будущее равноценны в правах на безысходность. Так, в стихотворении «И когда друг друга проклинали...» будущее выступает, «высвечивается» из прошлого. Весь поэтический синтаксис стихотворения подчинён одной цели: наиболее полно выразить движение времени, его монументальность и неизбежность повторений в судьбах людей: *А когда друг друга проклинали / В страсти, раскалённой добела, / Оба мы ещё не понимали, / Как земля для двух людей мала, / И что память яростная мучит, / Питка сильных — огненных недуг! — / И в ночи бездонной сердце учит / Спрашивать: о, где ушедший друг? / А когда, сквозь волны филмиама, / Хор гремит, ликуя и грозя, / Смотрят в душу строго и упрямо / Те же неизбежные глаза* [1, с. 22].

Время может замедляться и ускоряться, растягиваться и останавливаться; чувство времени может утрачиваться, а события могут повторяться в сознании, в памяти. Эти субъективные закономерности восприятия автором времени и пространства воздействуют на общую концепцию хронотопа: **Каждый день мой — весёлый, хороший,** / *Заблудилась я в длинной весне, / Только руки тоскуют по ноше, / Только плач его слышу во сне* [1, с. 109].

Художественное время в поэтических текстах А. Ахматовой рисуется с помощью широко представленной темпоральной (временной) лексики:

- названия различных аспектов, отрезков и периодов времени: *завтра, сегодня, вчера; настоящее, бывшее, минувшее, прошедшее, грядущее;*
- названия частей суток (особенно часто метафоризируемых): *утро, полдень, день, вечер, полночь, ночь;*
- названия возрастов: *детство, юность, старость;*
- временные прилагательные и наречия, слова категории состояния: *скоро, поздно, недавно, рано, ранний, поздний, новый, старый, майский, осенний, пора.*

В контекстах: **Сегодня** мне письма не принесли: / *Забыл он написать, или уехал; / Весна как трель серебряного смеха, / Качаются в заливе корабли / Сегодня мне письма не принесли... / Он был со мной ещё совсем недавно / Такой влюблённый, ласковый и мой, / Но это было белою зимой, / Теперь весна, и грусть*

весны отравна, / Он был со мною ещё совсем недавно [1, с. 36]; *Вместо мудрости — опытность, пресное, / Неутомляющее питьё. / А юность была — как молитва воскресшая. / Мне ли забыть её?* [1, с. 80]; *Слава тебе, безысходная боль! / Умер вчера сероглазый король...* [1, с. 34]; *Не будем пить из одного стакана / Ни воду мы, ни сладкое вино, / Не поцелуемся мы утром рано, / А ввечеру не поглядим в окно...* [1, с. 56].

Собственно темпоральная лексика дополняется глаголами, обозначающими течение времени, наименованиями исторических эпох, мифологическими и историческими именами и т. д. В контекстах: *Уже целовала Антония мёртвые губы, / Уже на коленях пред Августом слёзы мила...* / *И предали слуги. Грохочут победные трубы / Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла* [1, с. 205]; *Так вот, когда царю приснился странный сон: / Сам Дионис ему снять повелел осаду, / Чтоб шумом не мешать обряду похорон / И дать афинянам почтить его отраду* [1, с. 286].

По мнению М. М. Бахтина, «формы настоящего времени создают эффект вечного продолжения без начала и конца. Тогда настоящее становится центром человеческой ориентации во времени в мире, — время и мир утрачивают свою завершённость как в целом, так и в каждой их части» [2, с. 101]. У Ахматовой читаем: *Семнадцать месяцев кричу, / Зову тебя домой, / Кидаюсь в ноги палачу, / Ты сын и ужас мой. / Всё перепуталось навек, / И мне не разобрать / Теперь, кто зверь, кто человек, / И долго ль казни ждать* [1, с. 216].

Показательно распределение грамматических форм времени в поэтических текстах А. Ахматовой: если изображение действительности, пространства характеризуется доминирующей ролью форм настоящего времени, то мир личности, мир частного бытия рисуется посредством взаимодействия форм настоящего и прошедшего (реже будущего) времён: *Среди морозной праздничной Москвы, / Где протекает наше расставанье / И где, наверное, прочтёте вы / Прощальных песен первое издание — / Немного удивлённые глаза: / «Что? Что? Уже?.. Не может быть!» — / «Конечно!» / И святочного неба бирюза, / И всё кругом блаженно и безгрешно... / Нет, так не расставался никогда / Никто ни с кем, и это нам награда / За подвиг наш* [1, с. 270]. Частное бытие, таким образом, ограничено преимущественно прошлым и настоящим.

Темпоральная лексика занимает сильную позицию в тексте, особенно часто используется в заглавиях стихотворений: «Через 23 года», «Есть три эпохи воспоминаний...», «О десятих годах», «Петербург в 1913

году», «Третью весну встречаю вдали...», «Лёгкие летят недели», «Не недели, не месяцы — годы...», «Майский снег», «Вечером», «Из памяти твоей я выну этот день...» и т.д.

Через всё творчество Ахматовой проходит противопоставление времени и вечности, тесно связанное с двумя ключевыми для поэтессы оппозициями: «бытие» — «небытие»: *И вот, когда горчайшее приходит: / Мы сознали, что не могли б вместить / То прошлое в границы нашей жизни...* [1, с. 306].

По мнению Б.Ф.Егорова, «сам факт сопоставления мига с вечностью, исторического времени с внеисторическим существованием создаёт структурность времени, включённость мига в более крупную структуру, расширяет временной диапазон лирики» [7, с. 164]. А. Ахматова пишет: *О, горе мне! Они тебя сожгли... / О, встреча, что разлуки тяжелее!.. / Здесь был фонтан, высокие аллеи, / Громада парка древнего вдали...* [1, с. 279].

Время изображается А. Ахматовой как беспощадная, разрушительная сила, как быстротекущий поток, при этом используются традиционные образные параллели, прежде всего, «время — вода»: *Стала забывчивей всех забывших / Тихо плывут года. / Губ нецелованных, глаз неулыбчивых / Мне не вернуть никогда* [1, с. 81].

В потоке времени оказываются размытыми границы между прошлым и настоящим. Размытость временных границ подчёркивается различными языковыми средствами: вопросительными предложениями с характерной для них гипотетической модальностью, видовременными формами глаголов, придаточными времени, сочетаемостью слов (обычно метафоризируемых), обозначающих разные периоды человеческой жизни. Предельная зыбкость границ в потоке времени проявляется и в использовании особых синтаксических конструкций, включающих перечислительные ряды, антитезу, которые выражают приблизительность временной длительности. Например: *Прошло пять лет — и залечила раны / Жесточкой нанесённые войной, / Страна моя, и русские поляны / Опять полны студёной тишиной* [1, с. 255]; *Мы на сто лет состарились, и это / Тогда случилось в час один / Короткое уже кончалось лето, / Дымилось тело вспаханных равнин* [1, с. 116].

А. Ахматова представляет свою человеческую судьбу на общем полотне русской истории и существования человечества в целом: *Меня, как реку, / Суровая эпоха повернула. / Мне подменили жизнь. / В другое русло, мимо другого потока она, / И я своих не знаю берегов. / О, как я много зрелищ пропустила, / И занавес*

вздыхался без меня. / И так же падал. Сколько я друзей / Своих ни разу в жизни не встречала, / И сколько очертаний городов / Из глаз моих могли бы вызвать слёзы... [1, с. 304].

Однако время, история, судьба оказываются сильнее конкретной личности и её усилий. Но эту данность нужно воспринимать, по мнению Ахматовой, смиренно и мужественно: *А те, с кем нам разлуку Бог послал, / Прекрасно обошлись без нас — и даже / Всё к лучшему* [1, с. 306].

Таким образом, историческое время соотносится с вечностью. Параллелизм строф, особенности их пространственно-временной организации служат формой раскрытия важной для А. Ахматовой темы смены культур и преодоления исторического хаоса.

Тесной связью со временем, его цикличностью характеризуется мир природы (например, стихотворение «Три осени»). Кроме того, в описаниях природы используются языковые средства со значением повторяемости (*опять, по-прежнему, снова, так же, те же*), которые сочетаются с формами настоящего, прошедшего или (реже) будущего времени. В тексте, таким образом, развивается мотив вечного повторения, лежащего в основе жизни природы: *И будет так, пока тишайший снег / Не сжалится над скорбной и усталой землёй...* [1, с. 250].

Время у А. Ахматовой неоднородно. Среди его обозначений выделяются соотносящиеся друг с другом слова *век, час, мгновение*. Именно они наиболее важны для сознания лирической героини и называют особо значимые отрезки исторического и личного времени. Остановимся на этом подробнее.

Век, с одной стороны, служит единицей исторического времени, с другой — указывает на время активной деятельности человека и его поколения. Отношение к веку всегда эмоционально и оценочно, само слово регулярно сочетается с притяжательными местоимениями и оценочными прилагательными: *А по набережной легендарной / Приблизился не календарный — / Настоящий Двадцатый Век* [1, с. 340].

Оппозиция *час — мгновение* в поэзии А. Ахматовой отражает их противопоставление в русской языковой картине мира: *мгновение (миг)* характеризуется особой быстротечностью, единичностью, неповторимостью, часто неожиданностью; *час* — закономерностью, неотвратимостью: *Умирая, томлюсь о бессмертье. / Низко облако пыльной мглы. / Только память вы мне оставьте, / Только память в последний миг* [1, с. 65]; *А вот поди жэ! Опять нахлынут, / И*

этот час неотвратим... / И мимоходом сердце вынут / Глухим сочувствием / своим [1, с. 382].

Век, час, мгновение подвижны, динамичны, изменчивы. Так, *мгновение* у А. Ахматовой, с одной стороны, летуче, с другой стороны — способно расширяться. Семантика этого слова в поэтических текстах усложняется, распространяясь на более длительные временные отрезки. *Мгновение (минута)* служит знаком времени лирического переживания вообще, отождествляется с человеческой жизнью и с её наиболее яркими проявлениями, прежде всего, с любовью: *И разве я не выпила цикуту, / Так почему же я не умерла, / Как следует — в ту самую минуту?* [1, с. 308].

Жизнь, человеческое существование воспринимаются как мельчайшая частица времени, обладающего всеразрушающей властью: *Кто мог придумать мне такую роль? / Стать на кого-нибудь похожей, / О Господи! — мне хоть на миг позволь* [1, с. 306].

Символом минимальности, конечности служит образ часов, традиционный для мировой культуры. Ср.: *Всё бревенчато, дощато, гнута... / Полноценно цедится минута / На часах песочных...* [1, с. 252] ('вечность' = 'миг, минута'); *Мы знаем, что нынче лежит на весах / И что совершается ныне. / Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет* [1, с. 234]; *И писали в почтенных газетах, / Что мой дар несравненный угас, / Что была я поэтом в поэтах, / Но мой пробил тринадцатый / час* [1, с. 374]. Как синонимы используются словосочетания *роковой час, тринадцатый час*, обозначающие неотвратимость судьбы.

Образ времени сближается с образом рока, судьбы, длительность частного бытия предельно условна и может оборачиваться «бездной». Отношение человека к времени становится трагическим поединком личности с роком: *Что войны, что чума? — конец им виден скорый, / Им приговор почти произнесён. / Но кто нас защитит от ужаса, который / Был бегом времени когда-то наречён?* [1, с. 248].

Часто А. Ахматова использует представление времени как движение человеческой жизни, как путь в небытие: *В прошлое давно пути закрыты, / И на что мне прошлое теперь? / Что там? — окровавленные плиты / Или замураванная дверь...* [1, с. 284].

Таким образом, наблюдения показывают, что в поэтических текстах А. Ахматовой время художественное и грамматическое тесно связаны, однако «грамматика выступает как кусок смальты в общей мозаичной картине мозаичного произведения» (Д. С. Лихачев). Художественное время создаётся всеми элементами текста, в том числе и языковыми

(темпоральна лексика, видовременні форми глагола, синтаксическіє конструкції і др.). В стихах спостерігаються різні проявлення часу (час побутовий і історический, час особистий і соціальний, час фізический і міфологіческий).

Воспроизводя события прошлого и настоящего, оценивая их, поэтесса максимально использует видовременные формы глагола. Формы прошедшего времени выступают как знак определённого авторского отношения к изображаемому и выполняют эмоционально-экспрессивную функцию.

Излюбленный приём Ахматовой — формы настоящего времени на фоне прошедшего времени, которые выполняют разнообразные стилистические функции: функцию замедления времени, функцию выделения событий и явлений прошлого крупным планом.

В центре внимания поэтессы — образ времени, связанный с мотивом движения, развития, становления, с противопоставлением преходящего и вечного.

Литература

1. Ахматова А. А. Лирика / А. А. Ахматова. — Москва: Художественная литература, 1989. — 415 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва: Художественная литература, 1975. — 504 с.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — Москва: Изд-во АН СССР, 1957. — 358 с.
4. Гей Н. М. Художественность литературы. Поэтика. Стиль / Н. М. Гей. — Москва: Наука, 1975. — 472 с.
5. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград: Просвещение, 1974. — 406 с.
6. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой / В. М. Жирмунский. — Москва: Наука, 1973. — 116 с.
7. Егоров Б. Ф. Категория времени в русской поэзии XIX в. / Б. Ф. Егоров // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. — Ленинград: Художественная литература, 1974. — С. 160–169.
8. Клинг О. А. Своеобразие эпического в лирике А. Ахматовой / О. А. Клинг // Филологические науки. — 1989. — №6. — С. 3–7.

9. Лихачёв Д. С. Избранные работы. В 3-х т. / Д. С. Лихачёв — Ленинград: Художественная литература, 1987. — Т. 3. — 405 с.
10. Скатов Н. С. Книга женской души / Н. С. Скатов // Русский язык в школе. — 1989. — №3. — С. 3–13.